

Отзыв

**официального оппонента
на рукопись диссертации Авдашкина Андрея Александровича
«Процессы диаспоризации на Южном Урале: 1989-2002 гг. (на материалах
Челябинской области)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

А.А. Авдашкин избрал темой своего диссертационного исследования актуальную и научно значимую тему. Последние десятилетия XX в. и начало XXI в характеризовались активизацией этнокультурных и этнополитических процессов, связанной с масштабным ростом международных и внутренних миграций. По данным ООН, на начало 2000-тысячных годов более 175 млн одних лишь легальных мигрантов – иммигрантов, беженцев, иностранных рабочих, предпринимателей, студентов и других групп – проживало за пределами страны своего происхождения. Россия также испытывает мощное миграционное давление, которое сопровождается изменением этнической структуры миграционных потоков, основную часть которого составляют трудящиеся (трудовые) мигранты. Мощную динамику этим процессам придал распад СССР, сопровождавшийся ростом трансграничных миграций из стран как «дальнего», так «ближнего» зарубежья.

Одной из выбираемых мигрантами стратегий выстраивания отношений с принимающим обществом, является диаспорализация/диаспоризация – формирование сообществ «с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации». Происходит «радикальный сдвиг» – от простого присутствия представителей пришлых этнических меньшинств «к их структурированию, формированию общин, с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвижением коллективных целей»¹. Процессы диаспорализации теперь не просто признаются властями, но и поддерживаются ими. Создается нормативно-правовая база, регулирующая эти процессы. Диаспоральные институты становятся важным и необходимым элементом интеграции мигрантов в принимающее общество. Показательна в этом смысле динамика создания и развития в городах России, включая территорию Урала и Сибири, национально-культурных землячеств, обществ, автономий, их внутренняя эволюция.

¹ Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf

Свои специфические особенности имело формирование и развитие диаспорных групп на Южном Урале, выбранных соискателем в качестве объекта своего диссертационного исследования. Все это свидетельствует о несомненной актуальности обращения автора рецензируемой диссертации к изучению процессов диаспорализации/диаспоризации в Челябинской области в 1989-2002 гг.

Вполне логичной и оправданной является *структура* диссертации, включающая введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы и приложения и приложений в виде таблиц, иллюстрирующих повествование

Введение соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным сочинениям, в нем содержатся все необходимые формальные положения и разделы – актуальность исследования, историографический обзор, цель, задачи, объект и предмет исследования, обозначение территориальных и хронологических рамок, изложение методологии исследования, характеристика источниковой базы, научной новизны, теоретической и научно-практической значимости работы, выносимых на защиту основных положений исследования и апробации его результатов.

Представленный во введении историографический анализ работ по избранной теме диссертантом свидетельствует о хорошем знании исследовательской литературы, как отечественной, так и зарубежной, в том числе на английском и немецком языках. Представлены не только работы историков, но и социологов и этнологов/этнополитологов. Автор подчеркивает определяющее влияние на свое исследование диаспорного подхода, отталкиваясь от определения, предложенного Д.Г. Коровушкиным (с. 6), и приводит примеры использования этого подхода в работах ряда авторов, включая диссертационные, но почему-то не посчитал нужным отметить роль работ В.И. Дятлова в теоретической разработке и обосновании этого подхода. Отмечу также, что из поля зрения автора выпал ряд других работ, имеющих непосредственные отношение к теме (А.В. Черных). Проиллюстрирую это на конкретном примере. На стр. 8 автор пишет, что эксперты сети этномониторинга (EAWARN) В.В. Амелин, И.М. Габдрафиков и Л.Г. Хуснутдинова исследовали деятельность среднеазиатских и закавказских диаспор в Башкирии и Оренбуржье («Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции». М., 2009), допуская при этом ряд неточностей и существенных упущений. Во-1-х, Л.Г. Хуснутдинова не является экспертом сети EAWARN, во-вторых, и это важнее, почему-то ничего не говорится о помещенных в этом же сборнике работах других экспертов, анализирующих эти же диаспоры (среднеазиатские и закавказские) в других

регионах (в Пермской, Саратовской, Тюменской и др.) К примеру, в этом сборнике помещены целых 4 статьи эксперта сети EAWARN А.В. Чернова о таджиках, статьи методологически и содержательно важные для анализа диаспорных процессов в Пермском крае. И, на мой взгляд, не акцентировать внимание выборочно на отдельных статьях, а а дать оценку в целом деятельности сети EAWARN, директором которой является академик В.А. Тишков, а эксперты представляют примерно половину субъектов РФ, по изучению этнополитических и диаспорных процессов в России и на постсоветском пространстве с середины 1990-х гг. и по сей день. То же самое относится и об оценке роли журнала «Диаспоры» в исследовании феномена диаспор, занимающегося этим с конца 90-х гг. и по настоящее время. Автор, к сожалению, ограничился лишь констатацией того, что издание это послужило «отправной точкой академической полемики» (с. 6). Отмечу также, что избранный автором аннотационный подход к анализу литературы не позволил дать обобщающую оценку степени изученности процессов диаспоризации в России и в мире, показать динамику изучения этой темы, выделить более и менее изученные темы и регионы и в этом контексте показать изученность темы на Южном Урале в целом и в Челябинской области, в частности.

Рецензируемое исследование выполнено на основе использования и анализа обширного по объему и разнообразного по типологии корпуса источников, включая архивные материалы 19 фондов Государственного архива РФ (ГАРФ) и Объединенного госархива Челябинской области (ОГАЧО), областной периодической печати (39 наименований), материалы полевых исследований (интервью) и др.

Целью своей работы А.А. Авдашкин поставил «изучение процесса развития диаспор в Челябинской области в 1989-2002 гг. на основе анализа деятельности диаспорных институтов и существенных признаков социокультурного облика диаспорных групп» (с. 13). Поставленные для достижения этой цели *исследовательские задачи* решаются на основе принципов историзма, объективности, системности и междисциплинарного подхода.

Всего автором выделено пять исследовательских задач (с. 13). Рассмотрим, как они решены, объединив их для удобства анализа в тематические блоки.

В первой главе анализируются теоретические и методологические подходы и используемый в работе понятийный аппарат. Концептуальная схема, избранная автором для воссоздания диаспоральных процессов в исследуемом регионе, основывается на историко-сравнительном, историко-типологическом, транснациональном, структурно-

функциональном, конструктивистском и антропоцентричном подходах (с. 43). Теоретико-методологическую основу исследования составила конструктивистская теория этничности, позволившая автору рассматривать диаспоры как «воображаемые сообщества», «в основе которых лежит создание формальных и неформальных институтов для поддержания этнокультурной идентичности, представление об общей родине, формирование трансграничных коммуникаций между страной проживания и исторической родиной (страной исхода» (с. 15 автореферата), а также и теории исторического развития диаспор С.А. Арутюнова и З.И. Левина (с. 12 автореферата). К сожалению, в этом списке не названы методологически важные работы В.И. Дятлова, первого редактора журнала «Диаспоры» и входящего в состав редколлегии по сей день, еще в 1994 г. опубликовавшего одну из первых статей, посвященных анализу феномена «диаспоры» (*Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994*).

Перспективным представляется использование автором качественных методов исследования (включенное наблюдение, глубинные интервью, устные истории). Применение современных методологических подходов и методов позволило соискателю дать убедительную, хотя и не бесспорную, научную дефиницию понятию «диаспора», а также достоверно описать процессы конструирования и развития диаспорных сообществ Челябинской области в 1989-2002 гг.

Вторая и третья задачи, связанные с анализом взаимоотношений региональных органов власти и общественных институтов диаспоры, а также влияния миграций на «региональные диаспоры» последовательно и в целом успешно решаются во второй главе. Показано противоречивое влияние на развитие региона миграций конца 1990-х – начала 2000-тысячных гг., которые, с одной стороны, компенсировали естественную убыль населения и эмиграцию немцев и евреев. В тоже время резкое ослабление барьерной функции государственной границы актуализировало вопросы трансграничной безопасности, связанные с нелегальной миграцией и формированием рынка теневой занятости иностранных граждан в экономике региона, ростом контрабанды наркотиков.

Третья глава, наиболее важная для диссертанта и основательно разработанная, посвящена выявлению основных форм деятельности диаспорных объединений и реконструкции социально-демографического состава, основных социокультурных характеристик «старых» – еврейской, немецкой, украинской, казахской, и «новых» –

грузинской, корейской, узбекской, азербайджанской, армянской, таджикской и курдской диаспор. Показано, что одной из форм самоорганизации граждан для удовлетворения их этнокультурных запросов стали национально-культурные центры. На обширном фактическом материале раскрываются основные направления их деятельности. Диаспоральные институты содействовали поддержанию идентичности, позволяли укрепить трансграничные связи со страной исхода «новым» этническим группам или впервые установить контакты с исторической родиной еврейской, немецкой и корейской диаспорам. Опираясь на архивные материалы и публикации в периодической печати, автор показал значительный вклад международных благотворительных еврейских организаций «Джойнт», «Сохнут», «Хабад» в создание и развитие религиозных общин, просветительских и филантропических институтов еврейских общин на материалах Челябинской области (С. 62, 101, 103-104, 127, 130-131, 135-136). Все это позволило диссертанту сделать вывод, что важнейшей особенностью диаспор является создание культурно-просветительских, благотворительных институтов и организаций, национальных школ, газет, религиозных общин.

Несмотря на общее положительное впечатление от диссертационной работы, в ней есть ряд недочетов и дискуссионных вопросов, связанных, в первую очередь, с используемым автором понятийным аппаратом.

Во-первых, неудачным представляется используемое в диссертации понятие «региональная(ые) диаспора(ы)» (с. 4, 12 и др.), поскольку всякая диаспора – это пространственная сеть, предполагающая наличие не одного, а многих очагов расселения частей того или иного этноса в инокультурной среде вне территории своего происхождения, как правило, в разных государствах. Поэтому предпочтительно использовать такие термины, как «диаспорная группа» (Т.Б. Смирнова «Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI веков: формирование и развитие диаспорной группы. Омск, 2009. С. 10-11)) или «диаспоральное сообщество», как часть той или иной диаспоры – еврейской, китайской, немецкой, курдской, украинской и др.

Во-вторых, автор не объяснил, почему одни группы мигрантов отнесены к предмету исследования, а другие нет. Евреи, немцы, казахи, украинцы, азербайджанцы, армяне, грузины, таджики, узбеки, корейцы и курды, по словам автора, «соответствуют» определению термина «диаспора», который в авторском понимании подразумевает «самоорганизацию группы этнофоров, с актуализированной этнокультурной идентичностью; наличием за пределами страны проживания национального государства;

системой институтов, внутренних и внешних коммуникативных связей для сохранения идентичности, поддержания контактов со страной исхода, «исторической родиной». Кроме того, для диаспор характерно создание конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений и хозяйственных объединений» (с 18). В то же время «несоответствие» этим критериям, как пишет автор (с. 19), исключило из предмета исследования материалы по белорусам, болгарам, грекам, китайцам, молдаванам, полякам, финнам и др. Возникает вопрос, в чем именно заключается это «несоответствие»?

В целом отмеченные в отзыве недостатки и пробелы не меняют общей положительной оценки диссертации и являются, в известной степени, следствием смелости замысла и новизны исследования. Это первая в отечественной историографии и в целом удавшаяся попытка изучения процессов диаспоризации/диаспорализации в Челябинской области, регионе, находящемся на стыке европейской и азиатской культур. Диссертанту удалось выявить характер влияния миграций на этнический состав населения области, выделить и достаточно подробно описать такие важные аспекты проблемы, как культурно-просветительская, благотворительная деятельность национальных общественных объединений, изменения социокультурного облика региональных диаспор.

Основные положения, вынесенные автором на защиту, нашли убедительное воплощение в содержании диссертации и выводах, сформулированных в заключении. Основной текст удачно дополняют таблицы в приложениях.

Работа представляет законченное и самостоятельное научное исследование по актуальной и научно значимой проблеме. Основные положения и выводы, основанные на скрупулезном анализе в значительной степени впервые вводимых в научный оборот источников, представляются научно обоснованными. Язык, стиль, оформление диссертации отвечают требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям подобного уровня. Тема и содержание диссертации соответствуют специальности, по которой она представлена к защите. Содержащийся в диссертации фактический материал, многие ее положения и выводы представляют существенный вклад в изучение истории Южного Урала и могут быть использованы в научной и учебной практике.

В публикациях, в том числе в 10 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных научных результатов исследования, излагаются основные положения и выводы диссертационного исследования. Автореферат

последовательно и полно раскрывает структуру, содержание диссертационного сочинения и дает исчерпывающее представление о полученных результатах и основных выводах.

Все это дает основания полагать, что диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, соответствует п. 9 Постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Андрей Александрович Авдашкин заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры
современной отечественной истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Нам Ираида Владимировна

Адрес и место работы оппонента:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

г. Томск, 634050, пр. Ленина 34, кабинет № 38, 8 (3822) 53-43-54

Web-сайт университета: <http://www.tsu.ru/>

Web-сайт исторического факультета: <http://www.history.tsu.ru/>

Адрес места жительства оппонента:

г. Томск, 634057, ул. Интернационалистов, д. 12/1, кв. 274.

12 мая 2017 г.

